

Эпохальные и региональные тренды в эволюции фольклорных сюжетов и образов

Ю. Е. Березкин

Развитие представлений о прошлом человечества за последние сто лет можно описать как постепенный отказ от стадиялизма. В эволюции обществ нет жестких закономерностей, а появление разнообразных культурных и социальных форм обусловлено в том числе и случайными факторами. Это особенно касается тех аспектов культуры, которые не связаны с системой жизнеобеспечения. Создание базы данных по фольклору и мифологии мифа (распространение 2500 повествовательных эпизодов и мифологических образов прослежено по почти тысяче традиций) показывает неравномерность распределения тематических групп мотивов по миру. Раньше всего появились объяснения смертной природы людей. Вместе с рядом других мотивов они были принесены людьми современного типа из Африки в пределы индо-тихоокеанской окраины Азии, а затем в Новый Свет. Большинство мотивов, связанных с представлениями о появлении человека и его анатомии и взаимоотношении полов, зафиксировано в циркумтихоокеанской половине ойкумены, а в континентальной Евразии и особенно в Африке их гораздо меньше. Напротив, представления об объектах ночного неба развиты и разнообразны в Евразии, откуда они были перенесены в Северную Америку, тогда как в Африке южнее Сахары, в Юго-Восточной Азии и Океании данный комплекс мотивов развит слабо. Подобные различия вызваны не действием внешних регионально специфических факторов, а относительной изолированностью основных регионов планеты в эпоху до окончания ледникового максимума.

Ключевые слова: макроистория, закономерности эволюции, история культурной антропологии, стадиялизм, сравнительная мифология, выход из Африки, заселение Америки.

Факты и значения

Появление культурной антропологии было обусловлено в том числе и желанием понять, как возникли общество и культура. В XIX в. некоторые основные тенденции развития человечества были определены правильно, Эволюция 9 (2018) 187–207

но созданные схемы больше опирались на домыслы, чем на факты (Voas 1896). В XX в. по мере развития археологии, взявшей на себя роль основной изучающей прошлое дисциплины, цели и задачи культурной антропологии изменились. Интересы исследователей сместились с изучения тех аспектов культуры, которые доступны наблюдению со стороны, к попыткам взглянуть на культуру глазами ее носителей (Pike 1954: 8–28). В центре внимания оказались не явления культуры, а интерпретации этих явлений (Kroeber, Parsons 1958). Без прямого контакта с информантами заниматься подобными проблемами невозможно. Это привело к переносу интересов антропологии с прошлого (как возникли культура и общество) на настоящее (как функционируют культура и общество и как носители культуры ее сами интерпретируют и воспринимают). Подобный подход методически безупречен, но односторонен, ибо культура не сводится к набору значений – это еще и меняющийся со временем набор форм (Durkheim 1911; Tylor 1871: 1).

Познавательный потенциал археологии колоссален и постоянно растет. Однако аспекты прошлого, которые не оставляют материальных следов, археологи восстановить не в состоянии. Практика также показывает, что результаты, полученные методами разных исторических дисциплин (археологии, популяционной лингвистики, физической антропологии, сравнительного языкознания), никогда полностью не совпадают. Лишь совокупные данные, полученные разными методами и на разных материалах, позволяют составить относительно адекватную картину. Чем больше таких методов и материалов, тем лучше.

Результаты обработки *большого объема данных* по фольклору и мифологии, равно как и по традиционной материальной культуре, являются самостоятельным источником для реконструкции прошлого, освещающим такие его аспекты, которые иначе изучению не поддаются. На протяжении последних 100 лет к этому источнику мало кто обращался. В более раннее время попытки подобного анализа – также немногочисленные – не могли привести к успеху из-за отсутствия технических возможностей и адекватной теоретической базы.

Закономерности и случайные вариации

Один из важнейших вопросов, на который призваны ответить исторические дисциплины, состоит в следующем: является ли эволюция культуры и социума универсальной или отдельные сообщества, между которыми отсутствует обмен информацией, могут развиваться по-разному? Тот же вопрос можно поставить иначе: развитие происходит в силу неких общих тенденций или (также) под влиянием случайных, то есть действующих не повсеместно и побочных для соответствующих явлений, факторов?

Возможность второго варианта на протяжении не только XIX, но и XX в. всерьез не рассматривалась, и ни одна антропологическая школа не пыталась ее проанализировать. На первый взгляд кажется, что такую возможность должны были учитывать миграционисты, сосредоточившие внимание на ареальных различиях, а не на универсалиях. Но это не так. У миграционистов речь шла о комбинациях частных культурных особенностей в рамках стадияльно однородных обществ, а не о макроистории. Э. Тайлор, Дж. Фрэйзер или Л. Фробениус – все они смотрели на негров с берегов Касаи, даяков Борнео, алгонкинов Северной Каролины и тлинкитов Аляски как на одну пеструю совокупность первобытных племен. Данные по любой этнической группе сплошь и рядом репрезентировали их всех, причем исследователи имели в виду не только социальную организацию и хозяйство, но также фольклор и изобразительное искусство.

Этому есть объяснение. Вплоть до середины XX в. информация о дописьменном прошлом оставалась недостаточной для создания его сколько-нибудь детальной картины. Образованные европейцы и американцы (о других умолчим) продолжали делить общества на «цивилизованные» и «первобытные». Будет неточным сказать, что подобная дихотомия была унаследована от донаучной эпохи. Скорее, она явилась продуктом XIX в., когда евро-американская культура обрела качественно новое состояние, так что по сравнению с ней весь остальной мир предстал однообразно диким и варварским. Эта дихотомия была экстраполирована и на прошлое: история начинается с египетской и шумерской цивилизаций, а все, что ранее, – «первобытное общество». Во второй половине XX в. ситуация изменилась, но изменения эти коснулись лишь небольшой группы исследователей, непосредственно занимающихся соответствующими проблемами. Понятия «первобытные люди», «первобытное искусство» и им подобные сохраняются и будут сохраняться до тех пор, пока отраженный в учебниках (Алексеев, Першиц 2007) и тиражируемый средствами массовой информации образ прошлого не претерпит структурных изменений.

Так или иначе, но три четверти века назад информация о прошлом оставалась фрагментарной. Данные археологии либо всего лишь дополняли письменные источники, либо касались избранных регионов в пределах ограниченных временных отрезков. Конгломерат подобных фрагментов не мог быть осмыслен иначе, кроме как на основе той или иной формы стадиялизма. Поэтому в противопоставлении «первобытности» (безотносительно к какой-либо региональной специфике) и «цивилизации» от Л. Г. Моргана или Э. Тайлора принципиально не отличались не только Л. Фробениус (Frobenius 1901; 1904; 1909), но и С. Томпсон (Thompson 1946).

Реакцией на подобную теоретическую незамысловатость, а порой и на откровенный абсурд (типа «метеорологического» истолкования мифоло-

гических образов у многих немецких этнологов) стали утрата крупными антропологами интереса к исторической проблематике и разработка принципиально неисторических парадигм в виде функционализма, психологизма, структурализма и пр. Здесь можно назвать имена не только Б. Малиновского, М. Мид, К. Леви-Строса или К. Гирца, но и Дж. Мердока. Хотя создание базы данных по культурам мира было шагом в правильном направлении, целью Мердока являлось не прослеживание имевшихся в прошлом конкретных процессов, а выявление универсальной функциональной зависимости между явлениями культуры, главным образом в социальной сфере. Сфера же эта понималась узко – в основном системы родства, счет родства и варианты послебрачного поселения (Мердок 2003; Murdock 1949).

Постепенное изменение ситуации в XX в. связано с именами лидеров неозволюционизма – Дж. Стюарда и Г. Чайлда. Хотя оба они не порвали с образом прошлого как восхождения по ступеням, в их работах изучение региональной специфики все же заняло заметное место, а на смену невнятной первобытности пришли сменяющие друг друга социокультурные типы. Аналитическими единицами подобного рода оперировал, разумеется, и Л. Г. Морган, но теперь они перестали быть умозрачительными конструктами, а ориентировались на конкретные материалы по конкретным регионам – Передней Азии у Г. Чайлда и Южной Америки у Дж. Стюарда. Оба ученых оказали мощное и благотворное влияние на прогресс исследований в области дописьменной истории, под знаком которых прошла третья четверть XX в. – эпоха великих археологических открытий в Новом Свете и на Ближнем Востоке.

К началу 1980-х гг. стало все же ясно, что осмыслить макроисторию в рамках неозволюционизма нельзя. Археологи обнаруживали такие комплексы культурных особенностей, которые не имели «этнографических» аналогов и не вписывались в опирающиеся на данные этнографии и письменной истории схемы. Социальную организацию целого ряда известных археологам обществ в настоящий момент реконструировать невозможно, если понимать под реконструкцией не примерную типологию, а создание конкретных моделей. Это касается самых разных эпох – от существовавших на рубеже плейстоцена и голоцена до появления обществ раннегосударственного уровня (хотя не обязательно государств в привычном нам смысле). Часть исследователей предпочли игнорировать эти периоды и рассматривать только те тенденции общественной эволюции, которые с большим или меньшим основанием можно считать универсальными (Березкин 2013б; Flannery, Marcus 2012; Peregrine 2001; 2003). Однако долго закрывать глаза на проблему вряд ли удастся.

Новое в картине прошлого

Напомню о нескольких открытиях последних десятилетий.

Наиболее значительным можно считать исследование Гёбекли-тепе и других ранних (конец 11-го – 9-е тыс. до н. э.) памятников Передней Азии. Похоже, что качественные изменения в социальной организации и образе жизни в древнейшем известном на сегодняшний день центре формирования сложных обществ начались не в результате перехода к производящей экономике, а происходили параллельно с изменениями в хозяйстве либо даже предшествовали им. О механизмах, запустивших этот процесс, пока трудно даже гадать.

Почти столь же важным является исследование таких западно-евразийских обществ 5–3-го тыс. до н. э., которые по отдельным показателям, отражающим уровень социальной сложности, значительно вырвались вперед не только на региональном, но и на мировом фоне, но затем оказывались на положении периферии, свидетельствуя об отсутствии необратимой траектории движения от догосударственного к государственному уровню организации. Прежде всего это Ирландия 4-го тыс. до н. э. (Бру-на-Бойн), Болгария 5-го тыс. до н. э. (Варненский могильник) и сирийский Курдистан конца 5-го – первой половины 4-го тыс. до н. э. (Телль-Брак и Хамукар). Отчасти сюда можно добавить гигантские поселения Триполья конца 4-го тыс. до н. э. и синташтинскую культуру рубежа 3-го и 2-го тыс. до н. э.

Открытие ранней (вплоть до 20 000 кал. л. н.) керамики Восточной Азии отчасти размыло границу между палеолитом и неолитом, показав отсутствие жесткой зависимости между определенными технологическими инновациями и формами хозяйства и уж тем более сомнительность привязки того и другого к шкале, разработанной геологами и климатологами. Впрочем, о том же свидетельствуют и финальноплейстоценовые памятники верховьев Тигра типа Кёртик-тепе с культурой неолитического уровня, но без следов земледелия и даже усложненного собирательства (Березкин 2013a: 172–173).

Исследование сложных обществ Китая 4-го – середины 2-го тыс. до н. э. (Хуншань, Лянчжу, Тайси, Эрлитоу, Сансиньдуй, Учэн и др.) на два тысячелетия удревнило возраст китайской цивилизации и продемонстрировало ее «многополярность» на стадии формирования. Изучение ранних сложных обществ Китая критически важно, поскольку они развивались при минимальных контактах с обществами западной Евразии. Заимствование западных технологических достижений в первой половине 2-го тыс. до н. э. (бронза, лошадь и колесница), а возможно, и каких-то элементов идеологии (Панченко 2016: 280–288) подорвало чистоту восточноазиатского опыта эндемичного независимого развития.

Не упоминая сопоставимые по значимости открытия, касающиеся времени ранее ледникового максимума (24–18 тыс. л. н.), а также работы исследователей в Новом Свете, подчеркнем другие до сих пор не вполне осознанные факторы и обстоятельства исторического процесса.

Во-первых, это долговременные массовые миграции, то есть не просто диффузия идей или переселение небольших популяций, что происходит повсеместно и постоянно, но демографические процессы, приводившие к кардинальным изменениям культурного облика огромных регионов, к смене вектора развития. Таковы заселение народами банту Центральной и Южной Африки (1000 г. до н. э. – 1500 г. н. э.); распространение переднеазиатских земледельцев и скотоводов в Европе, Африке и Западной Азии (7000–5000 гг. до н. э.); экспансия людей, обладавших колесным транспортом и, вероятно, говоривших на индоевропейских языках, по евразийским степям и сопредельным территориям (2000–1500 гг. до н. э.); распространение носителей австроазиатских и австронезийских языков в пределах индо-тихоокеанской окраины Евразии (4000–1000 гг. до н. э.).

Другое важное обстоятельство – наличие наряду с регионами, в которых эпохальные инновации имели эндемичный характер, также и таких, в которых существенные спонтанные изменения не наблюдаются вовсе либо культурная трансформация делается заметной лишь с началом внешних воздействий. К числу первых относятся Передняя и Восточная Азия, а также Америка, к числу вторых – Африка южнее Сахары, Австралия и отчасти Южная Азия.

Последнее, что хотелось бы подчеркнуть, подводя, наконец, к основной теме статьи, – это отсутствие жесткой взаимозависимости между изменениями в отдельных сферах культуры. Эти сферы необязательно развивались параллельно, так что быстрое или замедленное появление, к примеру, технологических инноваций не должно было непременно сопровождаться эволюцией социальных отношений в том же самом темпе и уж тем более появлением одинаковых политических институтов. Отсутствие металлургии в Мезоамерике классического периода или письменности в Перу не является отклонением от нормы, поскольку никакой нормы нет. Относительное единообразие культур Старого Света не вызвано действием универсальных законов. Как минимум с неменьшим основанием его можно считать следствием трансконтинентального обмена информацией. К фольклору и изобразительному искусству сказанное относится прежде всего. Причем если искусство, требующее значимых, а порой и огромных затрат труда, нельзя назвать вовсе независимым от экономики и структуры общества (Васильев и др. 2015: 451–454), то фольклор вполне автономен.

Как было сказано выше, анализ массовых данных по фольклору предоставляет в наше распоряжение дополнительную информацию о прошлом – прежде всего о древних миграциях и культурных связях. Но это лишь одна сторона дела. Обработка собранного гигантского материала ярче, чем что-либо еще, демонстрирует такие тенденции, которые невозможно – по крайней мере на данный момент – объяснить действием универсальных факторов или регионально обусловленных особенностей природной и социальной среды. На фоне макроистории эти тенденции выглядят случайными вариациями. Данное обстоятельство не доказывает однозначно, что региональные особенности социальной эволюции и технологического развития тоже представляют собой ничем существенным не обусловленные случайные вариации. Однако сравнение с материалами фольклора, обобщить которые несоизмеримо проще, чем сведения по другим сферам культуры, склоняет к выводу, что это может быть именно так. Разумеется, вероятность возникновения одних культурных форм была выше, а других – ниже. Проблема в том, что оценить такого рода различия можно, лишь отделив заимствования от спонтанных изменений. А сделать это очень непросто.

База данных исследований по фольклору и мифологии. Основания для датировки мотивов

Несколько слов о базе данных исследования. Работа по созданию Аналитического каталога фольклора и мифологии мира началась в середине 1970-х гг., а с 1994 г. осуществляется непрерывно. Сейчас каталог содержит резюме десятков тысяч текстов (ориентировочно – 55 тыс.), отражающих традиционные нарративы и представления о мире. Прослежено мировое распространение около 2500 повествовательных эпизодов и образов (мотивов) по почти тысяче традиций. Сотни людей из многих стран Европы, Азии и Америки вносили свои материалы и коррективы. С 2017 г. соавтором каталога является Евгений Дувакин. В текстовой форме каталог доступен на русскоязычном сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> и обновляется в конце каждого года. Английские и русские определения мотивов и карты их распространения можно посмотреть в режиме онлайн: <http://mapsofmyths.com>. Для получения доступа обращайтесь к авторам (berezkin1@gmail.com, e.duvakin@gmail.com). Сайт создан Николаем Машковым.

Цель создания каталога – очертить сферы коммуникации (культурные границы и интенсивность контактов) в разные исторические эпохи – от выхода из Африки до Средневековья – и проследить межрегиональные связи. Кроме того, выявив региональные наборы мотивов, оказывается возможным определить также и «стратиграфию фольклора», то есть вероятную последовательность возникновения жанров, сюжетов и образов.

Эта задача требует огромной работы по сбору и систематизации текстов и сопоставления полученных результатов с материалами других исторических дисциплин, однако другими методами выяснить, что в данной сфере культуры возникло раньше, а что позже, нельзя. Высказывания относительно большей или меньшей «древности» («архаичности») тех или иных жанров, сюжетов и образов, делавшиеся на протяжении последних двухсот лет, являются в лучшем случае просвещенными догадками.

Определить время первоначального появления элементов культуры нельзя, но можно определить примерное время их широкого распространения. Это касается и фольклора. Эпохальная временная привязка основана на выявлении одинаковых комплексов мотивов на территориях, контакты между которыми существовали в определенные периоды, а затем прекратились. Если речь идет не об одиночных мотивах, а именно о комплексах, демонстрирующих сходное ареальное распределение и отчасти сходную тематику, то предположение о повторном независимом возникновении становится практически невероятным. При этом для одиночных мотивов сделать аргументированный выбор между наличием или отсутствием исторической связи между повествованиями или образами, зафиксированными на разных континентах, невозможно, но при статистической обработке массового материала подобные единичные случаи на общие тенденции не влияют.

Для датировки комплексов мотивов наиболее важны параллели, во-первых, между Африкой южнее Сахары и циркумтихоокеанским миром и, во-вторых, между Евразией с ее тихоокеанской окраиной и Америкой.

Параллели между Африкой южнее Сахары и индо-тихоокеанской окраиной Азии (ИТОА) предполагают время появления мотивов 50–70 тыс. л. н. или раньше. Абсолютные цифры условны и меняются по мере прогресса генетических и археологических исследований. Важно, что речь идет о периоде, на несколько десятков тысяч лет более раннем, нежели время заселения Нового Света. Параллели между ИТОА и Новым Светом, прежде всего Южной Америкой, предполагают время появления мотивов не менее 20–15 тыс. л. н. Если у таких мотивов нет соответствий в Африке, то они должны были появиться не ранее 30–40 тыс. л. н. Абсолютные оценки времени (15–20 тыс. лет) в данном случае тоже условны, но диапазон возможных поправок измеряется тысячами, а не десятками тысяч лет. Наконец, параллели между Сибирью с прилегающими районами Центральной Азии и Северной Америкой при отсутствии соответствий в Южной Америке предполагают появление соответствующих мотивов в континентальной Евразии 10–15 тыс. л. н.

Безотносительно к американским параллелям, для восточной половины Старого Света отдельные и крайне гипотетические реконструкции удается сделать для времени начиная с конца ледникового максимума

(после 18–19 тыс. л. н.) на основе сравнения данных по Сибири и Юго-Восточной Азии с прилегающими к ней областями. Что касается наборов мотивов в Западной Евразии, то для эпохи ранее 10 тыс. л. н. (а в основном и ранее 5 тыс. л. н.) их реконструировать вряд ли удастся, поскольку нет соответствующего репера. В отсутствие значимых географических преград обмен мотивами мог происходить когда угодно.

Мифология до выхода из Африки

Все выводы относительно африканского происхождения определенных мотивов основаны на их распространении как в Африке южнее Сахары, так и в ИТОА (и Америке), но не в континентальной Евразии. Вместе с тем люди современного типа расселялись из Африки не только в восточном направлении по побережью Индийского океана, но и достаточно рано (не позже 45 тыс. л. н.; см.: Nielsen *et al.* 2017; Vishnyatsky 2005) проникли вглубь Евразийского материка, а 30 тыс. л. н. достигли Западной Берингии (Слободин и др. 2014). Почему же африканские параллели характерны в основном для циркумтихоокеанского региона?

Самое простое (хотя и чисто логическое, а не опирающееся на факты) объяснение состоит в том, что у популяций, освоивших континентальную Евразию, значительно изменилась культура. Само по себе приспособление к новым природным условиям необязательно должно было повлиять на фольклор, однако глубокая трансформация в сфере жизнеобеспечения могла привести к разбалансировке и перестройке во всех сферах. Ничего конкретного о фольклоре континентально-евразийских популяций до ледникового максимума мы не знаем. Однако в любом случае прохождение ледникового максимума, как и любое «бутылочное горло», должно было содействовать утрате одних элементов культуры и распространению других.

Судя по африканско-циркумтихоокеанским параллелям, у людей, расселявшихся с африканской прародины, существовали нарративы и представления, связанные с объяснением смертности человека. По-видимому, тогда же появились и мифы о происхождении огня, людей (их выход из-под земли или спуск с неба, но не создание божеством) и еще некоторые (образ радуги как змеи; возможно, конфликт полов в общине предков). Есть и другие мотивы (например, отражающие представления о небесных светилах), которые могли быть принесены из Африки. Относительно происхождения некоторых трудно вынести определенное решение, но статистические данные (факторный анализ) по всей совокупности мотивов, потенциально имеющих африканское происхождение, в пользу африканской прародины свидетельствуют однозначно. Первая главная компонента противопоставляет мотивы вероятного или возможного африканского происхождения (Рис. 1) небольшому числу континентально-

евразийских, имеющих лишь единичные параллели в Африке (на схеме не показаны). Вторая главная компонента выделяет среди мотивов африканского происхождения две группы (Рис. 2). Положительный полюс 2 ГК отражает распределение мотивов, достигших ИТОА и затем Северной Америки, но не проникших в Южную Америку. Отрицательный полюс выделяет мотивы, ставшие особенно популярными в Меланезии, а в период заселения Нового Света достигших Южной Америки. При любых вариантах отбора мотивов, потенциально имеющих африканское происхождение, комплекс «смертных» мотивов демонстрирует наиболее четкие тенденции распределения. Речь идет о десятке сюжетных эпизодов и схем, одинаковых в Африке южнее Сахары, ИТОА и обычно также в Америке.

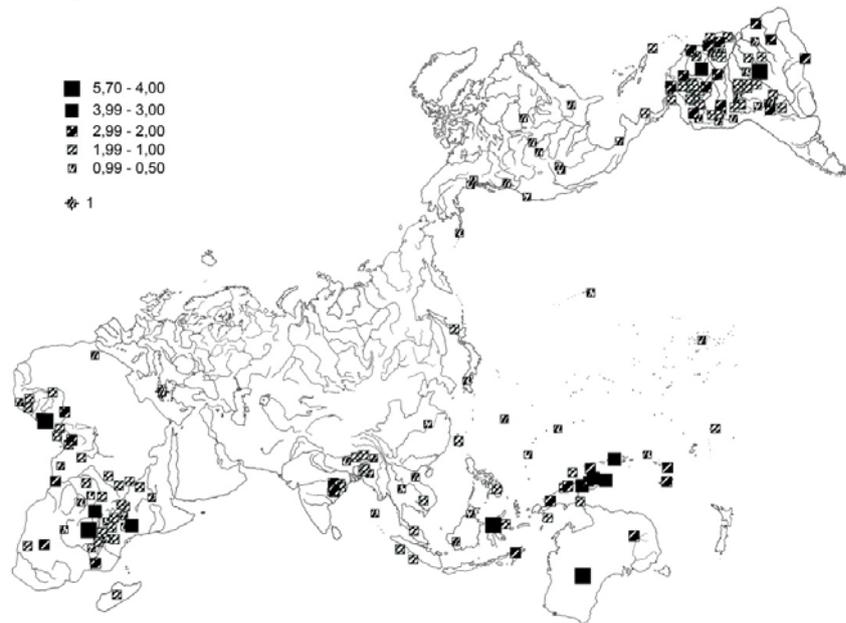

Рис. 1. Результаты обработки данных о распределении 62 мотивов по 746 традициям. Отобраны космологические и этиологические мотивы, которые потенциально могли быть принесены из Африки ранними группами сапиенсов. Первая главная компонента (1 ГК), дисперсия 7,2 %. Традиции с менее чем тремя мотивами и абсолютной величиной математических индексов от +0,49 до -1,50 не показаны. 1 – древнегреческая традиция

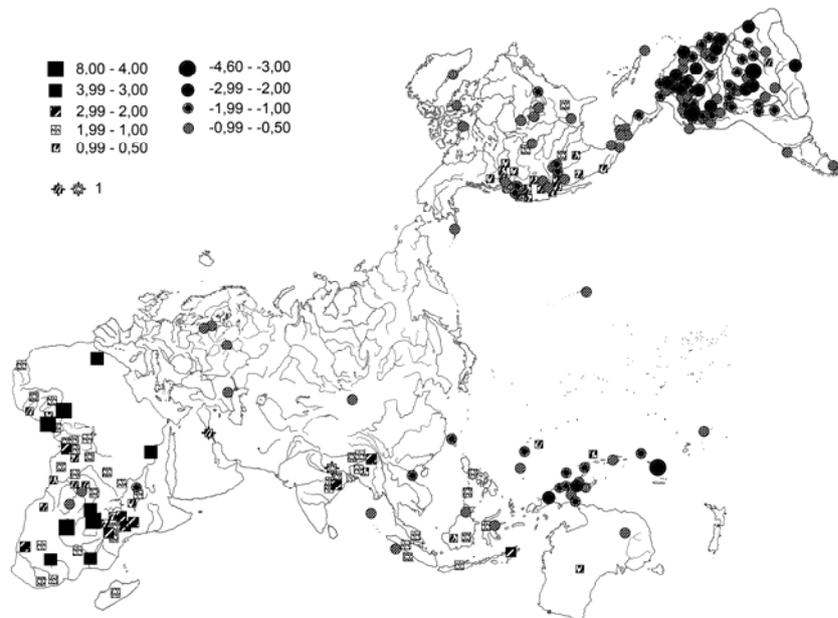

Рис. 2. Результаты обработки данных о распределении 62 мотивов по 746 традициям. Отобраны космологические и этиологические мотивы, которые потенциально могли быть принесены из Африки ранними группами сапиенсов. Вторая главная компонента (2 ГК), дисперсия 4,4 %. Традиции с менее чем тремя мотивами и с абсолютной величиной математических индексов от +0,49 до -0,49 не показаны. 1 – древние традиции (месопотамская и индоарийская)

Мотивы, объясняющие происхождение смерти, я описывал неоднократно (Березкин 2007а; 2013б: 31–54; Васильев и др. 2015: 354–355; Berezkin 2009; 2010). Что же касается темы происхождения огня, то в пользу ее появления ранее выхода из Африки свидетельствуют два небольших кластера мотивов (Рис. 3). Во-первых, только в Африке, ИТОА и Америке зафиксированы рассказы о том, что прежде чем огонь стал известен, люди готовили пищу на солнце или согревали ее у себя в подмышках. В континентальной Евразии подобных рассказов нет. Во-вторых, в Африке, ИТОА и Америке представлены мифы, в которых первоначальной хозяйкой огня является некая женщина, у которой огонь затем отобрали. В континентальной Евразии женщина мыслится не хозяйкой огня, а его воплощением, мифов о похищении у нее огня нет. Достаточно часто речь идет также об огне-мужчине или о паре супругов. Мифы о похищении огня (у любых персонажей) вообще более типичны для Африки южнее Сахары, ИТОА и Америки, чем для континентальной Евразии, хотя тенденция распределения не столь четкая, как в предыдущих случаях.

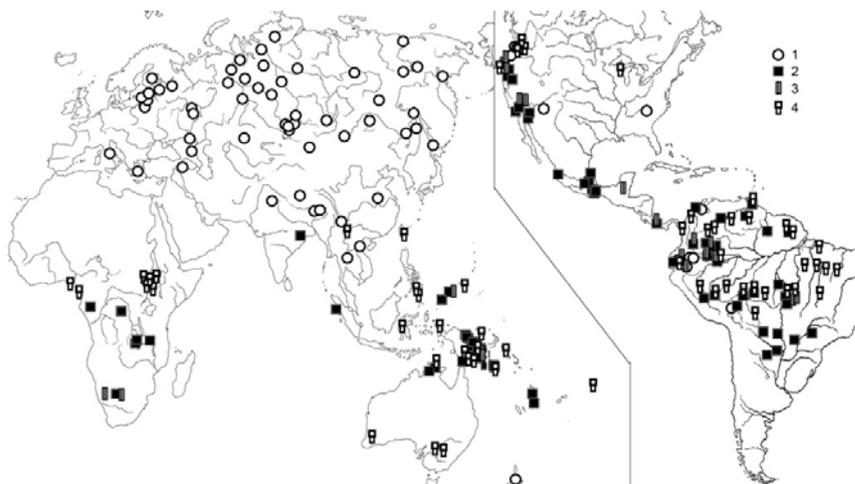

Рис. 3. Некоторые мотивы, отражающие представления о происхождении и природе огня. 1 – огонь есть женщина. 2 – первоначально огнем владела некая женщина. 3 – до появления огня пищу согревали на теле (обычно в подмышках). 4 – до появления огня пищу готовили на солнцепеке. Распределение мотивов 2–4 отражает расселение из Африки в ИТОА и заселение Америки двигавшимися вдоль Тихого океана. В американской Арктике и Субарктике подобных мотивов нет

Среди мифов о появлении смерти есть все же один, который, скорее всего, имеет африканское происхождение, но за пределами Африки характерен не столько для ИТОА и Америки, сколько для континентальной Евразии. Речь идет о «ложной вести», на которую впервые обратил внимание Дж. Фрэзер (Frazer 1919: 52–65): персонаж послан передать указания или некоторые предметы; посланник искажает сообщение, приносит не то, что надо, теряет несомое, медлит (и его обгоняет другой посланник). Это имеет важные последствия для него самого и для дальнейшей жизни людей.

От остальных «смертных» мотивов «ложная весть» отличается уже тем, что на этом мотиве основано, по сути дела, единственное объяснение смертности человека в мифологии койсанов Южной Африки. Других «смертных» мотивов, распространенных среди бантуязычных и прочих африканских народов, у койсанов нет, не считая противопоставления людям луны. Однако оппозиция «люди – луна» в данном случае неразрывно сцеплена с «ложной вестью»: луна посылает зайчиху сказать людям, чтобы те возродились, а та передает им приказ умирать навсегда (Schmidt 2013: 334–339).

В континентальной Евразии мотив «ложной вести» представлен в изводах, которые наверняка возникли уже за пределами Африки. Неудач-

ным посланцем является либо собака, либо ворон, причем в последнем случае речь идет об эликсире бессмертия, по ошибке пролитом не на людей, а на хвойные деревья (Березкин 2013б: 57–71). Истории про пролитый на растения эликсир и про собаку, которая не донесла до людей весть о жизни, из Евразии проникли обратно в Африку, в основном Западную. Евразийского происхождения и другие популярные протагонисты африканских историй про «ложную весть» – коза и овца. Местными африканскими являются ящерица, хамелеон и заяц. Последний редко, но все же встречается не только у койсанов, но и по всей Африке вплоть до Марокко. В ИТОА и в Америке мотив «ложной вести» чаще используется для объяснения не смертности человека, а других обстоятельств, касающихся жизни людей (например, сколько раз в день следует принимать пищу). В Австралии и в островной Юго-Восточной Азии мотив вообще не известен, в Меланезии зафиксирован один случай, причем с антропоморфными персонажами, что нетипично.

Придумать сценарий, объясняющий все эти факты, несложно, но он останется недоказуемым. Популярность мотива у койсанов делает маловероятным его первоначальное появление в Азии. Скорее всего, «ложная весть» входила в тот же комплекс древнейших мотивов, что и остальные объяснения смертности человека, но попала в Азию в ходе особого миграционного эпизода.

Континентально-евразийская и индо-тихоокеанская мифология

Хотя детальную картину хода расселения сапиенсов после выхода из Африки генетики и археологи пока не создали, одно обстоятельство не вызывает сомнений. В эпоху ледникового максимума континентальная (Северо-Центральная) Евразия, с одной стороны, и ИТОА – с другой, были разделены зоной (почти) необитаемых гор и пустынь (Qu *et al.* 2013: 9). Контакты между юго-востоком и севером имели место только в Китае, где область распространения микропластинчатой индустрии предположительно алтайского происхождения граничила с областью распространения индустрии отцепов и галечных орудий, характерной для Юго-Восточной Азии (Рис. 4). До начала ледникового максимума граница между ними проходила через Ордос и Маньчжурию, а к концу плейстоцена сместилась на 500–1000 км к югу и прошла по междуречью Хуанхэ и Янцзы (Bar-Yosef, Belfer-Cohen 2013: 37, fig. 2; Bar-Yosef, Wang 2012: 327–329, fig. 2; Qu *et al.* 2013: figs 1, 2). Очень похоже, что подобный процесс отражает эпохальную экспансию континентально-евразийской культурной традиции за счет традиции ИТОА, которая в конечном итоге в относительно чистом виде осталась лишь в Меланезии и Австралии. Однако восходящие к ней элементы культуры, в том числе и мифологические мотивы, сохранились на территории, которую традиция ИТОА занимала если не в эпоху начального расселения сапиенсов, то во всяком случае до ледникового максимума.

Рис. 4. Распределение мотива «В начале времен или после мировой катастрофы брат и сестра порождают людей». Это основной сюжетобразующий эпизод космогонического цикла, характерного для ИТОА и затем проникшего в Америку. Пунктиром обозначена граница между областью распространения двух типов каменных индустрий в Китае до ледникового максимума (1) и в конце плейстоцена (2)

Мифологию ИТОА для времени порядка 15–20 тыс. л. н. отчасти удастся реконструировать благодаря параллелям в Америке, в основном Южной. Этот циркумтихоокеанский регион демонстрирует мировой максимум встречаемости мотивов, связанных с представлениями о человеческой анатомии, отношениях полов и «странных браках» (с животными и монстрами, причем повествования эти не имеют отношения к тотемизму, это не родовые легенды). Объяснить данное обстоятельство тем, что подобного рода сюжеты в христианском и исламском мире были утрачены по идеологическим причинам (либо вытеснены из мифологии в анекдоты), нельзя. Подобных сюжетов нет также в Африке, в том числе и в районах, где до недавнего времени влияние мировых религий не ощущалось.

Один из кластеров мотивов, распространенных в ИТОА и имеющий частичные параллели в Америке, может претендовать на статус космогонического цикла. Речь идет о последовательности эпизодов, описывающих конфликт в первоначальном мире, потоп, спасение брата и сестры, а затем появление новых людей (Рис. 4). Особенностью, характерной

только для фольклора континентальной (но не островной) Юго-Восточной и Восточной Азии, является образ трикстера-зайца. Трикстер-заяц/кролик есть еще в Тропической Африке, а также на востоке и юго-востоке США (с параллелями в Мезоамерике), но если все три ареала и связаны, то конкретный исторический сценарий, объясняющий эту связь, пока не просматривается.

О мифологии континентальной Евразии (точнее, Сибири и Центральной Азии) можно, как было сказано, судить по североамериканским соответствиям. Здесь представлен другой, нежели в Юго-Восточной Азии, космогонический цикл, основанный на мотиве нырлящика за землей (Березкин 2007б; Васильев и др. 2015: 371–378; Напольских 1991; 2011). Время первого появления нырлящика в Восточной Европе спорно, но в Сибири он должен был быть известен как минимум 13–15 тыс. л. н. Иначе нельзя объяснить его распространение в Северной Америке, включая юго-восток континента. На северо-востоке Азии и на западе Аляски нырлящика нет, что исключает диффузию мотива в последние тысячелетия. Не ясно, был ли соответствующий миф известен в евразийских степях. Он зафиксирован у ногайцев (Капаев 2012: 30, 226), но не отмечен у родственных им казахов. В то же время доисламская космогония на территории Казахстана неизвестна вообще, поэтому вопрос остается открытым. Нырлящик есть также у карачаевцев, причем их версия содержит подробность, известную еще только в южноазиатских (в основном индоарийских) вариантах, а также в одном из мансийских: земля не принесена нырлящиком в лапах, клюве и т. п., а возникает из грязи, оказавшейся на теле птицы или животного (Васильков 2006; Каракетов 1995: 64–67; Kannisto 1951: 2–9).

В Африке космогонический цикл не сложился, есть лишь не связанные друг с другом немногочисленные космогонические мифы, записанные у отдельных западноафриканских групп. Единственный широко распространенный (также лишь в Западной Африке) сюжет, действие в котором отнесено к периоду до появления современного мира, имеет недавнее средиземноморское происхождение (Berezkin, Duvakin 2016). Образы и повествовательные эпизоды, отражающие появление земледельческой культуры, проникли в Африку из Индии и Юго-Восточной Азии в период между 1500 г. до н. э. – 500 г. н. э. (Березкин 2016).

Основным зооморфным трикстером для континентальной Евразии является лиса/шакал. Конкретные трикстерские сюжеты, зафиксированные в континентальной Евразии и в ИТОА, тоже разные. Зооморфная идентификация трикстера очень устойчива, о чем говорят африканские данные (Он же 2013б: 226–237), хотя когда именно подобные образы сделались популярны, сказать трудно. Скорее, речь идет о времени после ледникового максимума. Если у вышедших из Африки и заселивших ИТОА ранних сапиенсов и был трикстер, то им мог являться мужчина-Месяц, дей-

ствующий в этой роли в Тропической Африке, Меланезии и на востоке Южной Америки. При этом речь идет не о типичном трикстере, а о неудачнике, который противопоставлен «умному» Солнцу. У обитателей побережья Тихого океана трикстером мог быть ворон, сохранившийся в Берингоморье. В азиатской части региона он потеснен лисой, но на севере северо-западного побережья Северной Америки ворон – единственный трикстер. Отдельные эпизоды с трикстером-вороном встречаются на западе всего циркумтихоокеанского региона вплоть до юго-восточной Австралии (Березкин 2014; Verezhkin 2014).

Для континентальной Евразии характерно обилие повествований и образов, связанных с представлениями об объектах ночного неба. Около ста подобных мотивов встречаются как в Сибири с прилегающими районами Центральной Азии, так и в Северной Америке, но при этом не на юго-востоке, а на западе и севере континента. Такое распределение предполагает их перенос через Берингию/Берингов пролив лишь на последних этапах заселения Нового Света. В ИТОА и Южной Америке «астрономическая» тематика в мифах выражена гораздо слабее, а в Африке и в Меланезии вовсе бедна (Рис. 5).

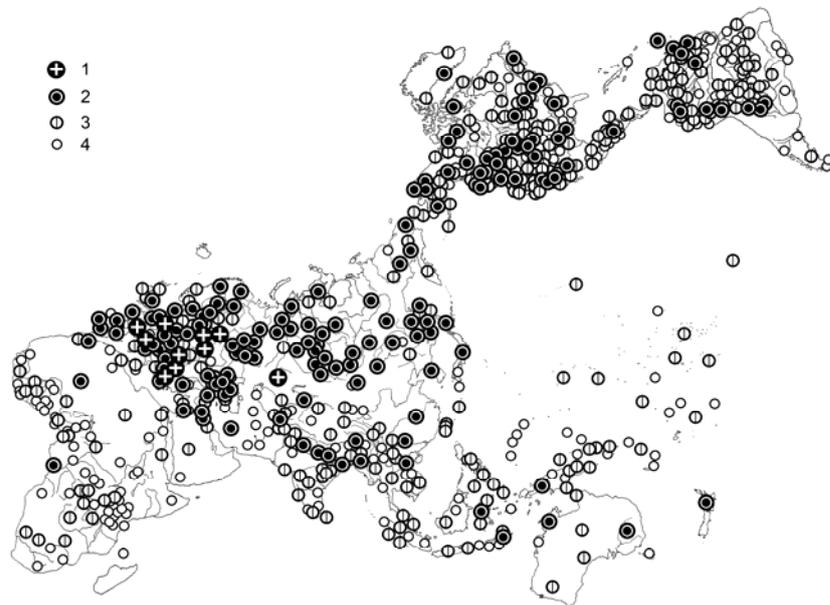

Рис. 5. Частота встречаемости мотивов, объясняющих особенности объектов ночного неба – звезд, созвездий, Млечного Пути и лунных пятен. Число мотивов в традициях: 45–30 (1), 29–10 (2), 9–4 (3), 3–1 (4)

Не менее заметна неравномерность в мировом распространении мотивов, связанных с этиологией растений, как культурных, так и дикорастущих. Эта тематика характерна для ИТОА и Америки, причем целый ряд сюжетов по разные стороны Тихого океана идентичен (Рис. 6). Из 20 мотивов, объясняющих появление культурных или съедобных дикорастущих растений и представленных не в одной, а хотя бы в трех традициях, лишь мотив «семена злаков сброшены божеством с неба» (в Греции он был связан с Элевсинскими мистериями) характерен для Европы и Кавказа. Все прочие типичны для ИТОА и Америки. Один из этих 19 мотивов представлен только в ИТОА, 7 – только в Новом Свете, а 11, в том числе все наиболее популярные (представлены в десятках традиций), – по обе стороны Тихого океана. Авестийский вариант происхождения растений из тела быка не находит соответствий в других индоевропейских мифологиях и имеет восточные параллели.

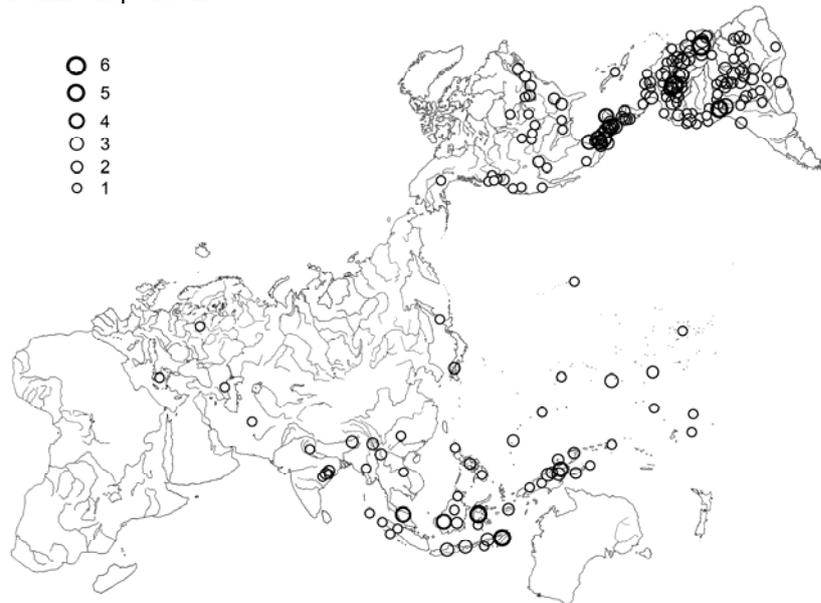

Рис. 6. Частота встречаемости мотивов, объясняющих происхождение культурных и съедобных дикорастущих традиций. Размеры кружков соответствуют числу мотивов в отдельных традициях (от 1 до 6)

Чтобы попасть из Азии в Новый Свет, «земледельческие» повествования должны были первоначально касаться дикорастущих полезных видов (подобные тексты в Америке сохранились и далее). Позже подобные нарративы как в Азии и Океании, так и в Америке оказались использованы для объяснения происхождения культурной флоры. Это объяснение выглядит

неочевидным, однако в пользу исторической связи между азиатскими и американскими «земледельческими» мифами свидетельствуют африканские материалы. В Африке этиологических нарративов, объясняющих особенности растений (неважно – дикорастущих или культурных), практически нет вообще, хотя тип земледелия (клубнеплодно-вегетативное и арборикультура с включением немногочисленных, но экономически важных зерновых) тот же, что в Индонезии или Амазонии.

Никаких объективных причин, которые бы содействовали развитию «анатомической» и «растительной» тем в ИТОА и Америке и «астрономической» темы в Сибири, нет. Если знание звездного неба где-то и имело практическое значение, то в Дальней Океании, однако полинезийские и микронезийские повествования на данную тему как раз бедны по сравнению с сибирскими, европейскими и североамериканскими. «Астрономическая» тематика развита в австралийском фольклоре, но конкретные образы и сюжеты в мифах австралийских аборигенов в подавляющем большинстве другие, нежели в Северном полушарии.

Заключение

Я не мог остановиться на всех группах фольклорно-мифологических мотивов, но и приведенных фактов достаточно, чтобы показать главное. Появление определенных образов и сюжетов не было «запрограммировано» таким образом, чтобы одинаковые варианты возникали повсеместно или хотя бы в сходных природных условиях и в обществах сопоставимого уровня сложности. Наборы образов и сюжетов региональны, и предпочтение тех или иных вариантов трудно объяснить определенными обстоятельствами. Развитие культуры можно описать как процесс более или менее случайного появления инноваций и их распространения вширь, если эти инновации полезны или по крайней мере не наносят заметного вреда. Изоляция ведет к росту разнообразия на глобальном уровне (хотя к стагнации на локальном), обмен информацией – к унификации, это непрерывный двуединый процесс.

Поиск причин определенных явлений – занятие достаточно рискованное. В большинстве случаев невозможно установить реальные механизмы, определявшие направление и темп изменений. Да, безусловно (и это было ясно еще в XIX в.), существует глобальная тенденция усложнения технологии и социальной организации. Изменения природной и социальной среды, нарушающие устоявшийся процесс воспроизводства культурных форм, вероятно, способствуют ускорению этого процесса. Однако какими именно окажутся новые формы, заранее определить невозможно. Все люди были детьми, а затем подростками, но один впоследствии стал ученым, другой – чиновником, третий – спортсменом, а четвертый попал в тюрьму за убийство. Для социологов индивидуальные жизненные обстоятельства значения не имеют, они нивелируются общими тенденция-

ми. Однако число региональных сообществ самого высокого уровня настолько невелико, что случайности в развитии каждого могут отразиться на всех. Если бы событие 536 (похолодание, вероятно, вызванное извержением вулкана в тропиках, предположительно в Меланезии) или «черная смерть» имели место на пару столетий позже или вообще не произошли, история Европы, а тем самым и мира в целом, оказалась бы иной. Если бы покушение на Гитлера удалось или же Сталин прожил еще пять лет, судьбы человечества тоже бы поменялись. Понятно, что особенности индивидуальных биографий не имели значения 40 или 10 тыс. л. н., но разного рода природные флуктуации и случайные, первоначально незначительные расхождения в культурных стереотипах, которые были характерны для отдельных популяций, потенциально могли привести к капитальным различиям на региональном уровне.

Требовать, чтобы исследователи вовсе отказались от поиска объяснений имевшихся в прошлом процессов, нелепо, но считать какие-либо гипотезы подобного рода однозначно доказанными или объяснять конкретные явления ненадежно установленными универсальными закономерностями вряд ли стоит. Как возник наш мир, мы, скорее всего, узнаем, но почему это произошло – видимо, нет. Не исключено, что подобный вопрос вообще выходит за рамки науки.

Библиография

- Алексеев В. П., Першиц А. И. 2007. *История первобытного общества*. 6-е изд. М.: Астрель.
- Березкин Ю. Е. 2007а. Происхождение смерти – древнейший миф. *Этнографическое обозрение* 1: 70–89.
- Березкин Ю. Е. 2007б. Космогонические сюжеты «ныряльщик за землей» и «выход людей из земли» (о гетерогенном происхождении американских индейцев). *Археология, этнография и антропология Евразии* 4(32): 110–123.
- Березкин Ю. Е. 2013а. *Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике*. СПб.: МАЭ РАН.
- Березкин Ю. Е. 2013б. *Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе*. СПб.: Наука.
- Березкин Ю. Е. 2013в. Два подхода к проблемам возникновения сложных обществ (к публикации книги Кента Флэннери и Джойс Маркус). *Российский археологический ежегодник* 3: 608–615.
- Березкин Ю. Е. 2014. Зооморфные трикстеры: закономерности ареального распределения. *Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме* / Отв. ред. М. А. Родионов, с. 29–42. СПб.: МАЭ РАН.
- Березкин Ю. Е. 2016. Азиатский след в африканском фольклоре в свете данных о трансконтинентальных связях в акватории Индийского океана во II тыс. до н. э. – I тыс. н. э. *Зографский сборник*. Вып. 5 / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Я. В. Васильков, с. 23–44. СПб.: МАЭ РАН.

- Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табарев А. В. 2015.** *Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования.* СПб.: Нестор-История.
- Васильков Я. В. 2006.** Страничка мифологического бестиария: отряхивающийся вепрь. *Культура Аравии в азиатском контексте: сб. ст., с. 250–262.* СПб.: МАЭ РАН.
- Капаев И. С. 2012.** *Ногайские мифы, легенды и поверья.* М.: Голос-Пресс.
- Каракетов М. Д. 1995.** *Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев.* М.: Наука.
- Мердок Дж. П. 2003.** *Социальная структура.* М.: О.Г.И.
- Напольских В. В. 1991.** *Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф).* М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.
- Напольских В. В. 2011.** Миф о нырянии за землей (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя. «Не любопытства ради, а познания для...». *К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / Ред. Н. А. Дубова, Ю. А. Квашинин, с. 215–272.* М.: Старый Сад.
- Панченко Д. В. 2016.** *На восточном склоне Олимпа. Роль греческих идей в формировании китайской космологии.* СПб.: Наука.
- Слободин С. Б., Андерсон П. М., Глушкова О. Ю., Ложкин А. В. 2014.** Западная Берингия (Северо-Восток Азии). *Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды / Отв. ред. В. М. Котляков, А. А. Величко, С. А. Васильев, с. 209–257.* М.: ГЕОС.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. 2013.** Following Pleistocene Road Signs of Human Dispersals across Eurasia. *Quaternary International* 285: 30–43.
- Bar-Yosef O., Wang Y. 2012.** Paleolithic Archaeology in China. *Annual Review of Anthropology* 41: 319–335.
- Berezkin Yu. 2009.** Why are People Mortal? World Mythology and the “Out-of-Africa” Scenario. *Ancient Human Migrations. A Multidisciplinary Approach / Ed. by P. N. Peregrine, I. Peiros, M. Feldman, pp. 242–264.* Salt Lake City: The University of Utah Press.
- Berezkin Yu. 2010.** From Africa and Back: Some Areal Patterns of Mythological Motifs. *Mother Tongue, Journal of the Association for the Study of Language in Prehistory* 15: 1–67.
- Berezkin Yu. 2014.** Three Tricksters: World Distribution of Zoomorphic Protagonists in Folklore Tales. *Scala Naturae. Festschrift in Honour of Arvo Krikmann for his 75th birthday / Ed. by A. Baran, L. Laineste, P. Voolaid, pp. 347–356.* Tartu: ELM Scholarly Press.
- Berezkin Yu., Duvakin E. 2016.** Buried in a head: African and Asian Parallels to Aesop’s Fable. *Folklore* 127(1): 91–102.
- Boas F. 1896.** The Limitations of the Comparative Method of Anthropology. *Science, New Series* 4(103): 901–908 (reprinted in Boas 1940: 270–280).
- Boas F. 1940.** *Race, Language, and Culture.* Chicago, London: The University of Chicago Press.

- Durkheim É. 1911.** Jugements de valeur et jugements de réalité / Une édition électronique réalisée à partir de la communication d'Émile Durkheim faite au Congrès international de Philosophie de Bologne, à la séance générale du 6 avril, publiée dans un numéro exceptionnel de la Revue de Métaphysique et de Morale du 3 juillet 1911. URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/Socio_et_philo/ch_4_jugements/jugements.pdf.
- Flannery K., Marcus J. 2012.** *The Creation of Inequality. How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire.* Cambridge; London: Harvard University Press.
- Frazer J. G. 1919.** Folk-Lore in the Old Testament. *Studies in Comparative Legend and Law.* Vol. 1. London: Macmillan & Co.
- Frobenius L. 1901.** *Aus den Flegeljahren der Menschheit. Bilder des Lebens, Treibens und Denkens der Wilden.* Hannover: Brüder Jänecke.
- Frobenius L. 1904.** *Das Zeitalter des Sonnengottes.* Berlin: Reimer.
- Frobenius L. 1909.** *The Childhood of Man. A Popular Account of the Lives, Customs and Thoughts of the Primitive Races /* Transl. by A. H. Keane. London: Seeley & Co.
- Kannisto A. 1951.** *Wogulische Volksdichtung.* Bd. I. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Kroeber A. L., Parsons T. 1958.** The Concepts of Culture and of Social Systems. *American Sociological Review* 23: 582–583.
- Murdock G. P. 1949.** *Social Structure.* New York: The Free Press; London: Collier-Macmillan.
- Nielsen R., Akey J. M., Jakobsson M., Pritchard J. K., Tishkoff S., Willerslev E. 2017.** Tracing the Peopling of the World Through Genomics. *Nature* 541: 302–310 (19 January).
- Peregrine P. N. 2001.** Cross-Cultural Comparative Approaches in Archaeology. *Annual Review of Anthropology* 30: 1–18.
- Peregrine P. N. 2003.** Atlas of Cultural Evolution. *Journal of Comparative and Cross-Cultural Research* 14(1): 2–88.
- Pike K. L. 1954.** *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior.* Glendale: Summer Institute of Linguistics.
- Qu T., Bar-Josef O., Wang Y., Wu X. 2013.** The Chinese Upper Paleolithic: Geography, Chronology, and Techno-typology. *Journal of Archaeological Research* 21: 1–73.
- Schmidt S. 2013.** *A Catalogue of Khoisan Folktales of Southern Africa.* Part I. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Thompson S. 1946.** *The Folklore.* New York: The Dryden Press.
- Tylor E. B. 1871.** *Primitive Culture. Research into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom.* Vol. 1. London: John Murray.
- Vishnyatsky L. B. 2005.** How many Core Areas? The “Upper Paleolithic revolution” in an East Eurasian perspective. *Journal of the Israel Prehistoric Society* 35: 143–158.